

Ингерманландские финны: трудная история

DOI 10.22394/1726-1139-2017-5-130-141

Кирьянен Александр Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры моделирования социально-экономических систем
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры экономики и финансов
Кандидат физико-математических наук
Kirjanen@mail.ru

Лабудин Александр Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры экономики и финансов
Доктор экономических наук, профессор
Labudin59@mail.ru

Самодуров Александр Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры экономики и финансов
Кандидат технических наук, доцент
alexanders-2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья продолжает тему, рассматривавшуюся в предыдущей статье «Андропов и Карелия». Рассматривается проблема репатриации в Карело-Финскую ССР финнов-ингерманландцев, репрессированных во время и сразу после Второй мировой войны по надуманным обвинениям. Данная проблема рассматривается в контексте непростой и трагической истории финско-ингерманландского народа на протяжении столетий и особенно двадцатого века. Даются авторские выводы, актуальные для сегодняшней политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Карелия, Ингерманландия, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, репатриация, репрессии, выселение, решения партийных и советских органов

Kirjanen A. I., Labudin A. V., Samodurov A. A.

Ingermanland Finns: a Difficult History

Kirjanen Alexander Ivanovich

Saint-Petersburg State University
Associate Professor of the Chair of Modeling of Social and Economic Systems
North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of the Economics and Finance
PhD in Physics and Mathematics
Kirjanen@mail.ru

Labudin Alexander Vasilyevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of the Economics and Finance
Doctor of Science (Economy), Professor
Labudin59@mail.ru

Samodurov Aleksandr Aleksandrovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of the Economics and Finance

ABSTRACT

The subject of this study was been discussed in the previous article «Andropov and Karelia». The problem of the repatriation of Ingermanland Finns to Karelian-Finnish SSR is discussed in the article. This people were repressed during and immediately after the Second World war according of far-fetched charges with a crime. This problem is discussed in connection with difficult and tragic history of Ingermanland Finns people in centuries and especially in the twentieth century. The authors draw some actual conclusions for temporary state policy.

KEYWORDS

Karelia, Ingermanland, the Great Patriotic war, the Second World war, repatriation, repressions, expulsion, decisions of Communist party and Soviet organs.

В первой части настоящей работы, опубликованной в предыдущем номере «Управленческого консультирования»¹, рассказывалось об усилиях руководства Карело-Финской ССР, прежде всего первого секретаря ЦК Компартии Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянова и его заместителя — второго секретаря ЦК Ю.В. Андропова, по привлечению в конце сороковых — начале пятидесятих годов XX столетия в республику, ее лесное хозяйство и лесозаготовительную промышленность, финнов-ингерманландцев, высланных по решению сталинского руководства из Ленинградской области, где они жили на протяжении нескольких веков. У читателей возникает закономерный вопрос: как ингерманландские финны или финны-инкеры исторически оказались на территории современной Ленинградской области и в Карелии?

Согласно Столбовскому миру 1617 г. между Россией и Шведским королевством территория к югу от Финского залива и по обоим берегам реки Невы отошла к Швеции и стала называться шведской провинцией Ингерманландия (Ingermanland). На эту территорию стали переселяться финские крестьяне, в основном, из современных Выборгского и Приозерского районов, Северного Приладожья и юго-восточной части современной Финляндии [6]. Такое переселение происходило уже с конца XVI — начала XVII вв., но тогда это было заселение территории другого государства без правового подкрепления. Заметим, что город Санкт-Петербург в 1703 г. был основан тоже на территории, тогда еще входившей в состав Шведского королевства.

По подсчетам этнографов, переселенцы в 1656 г. составляли 41,1% от общего населения Ингерманландии, в 1671 г. — 56,9%, а в 1695 г. — 73,8%. Потомки этих переселенцев, говоривших по-фински и исповедовавших лютеранство (в отличие от православных ижоры и води), составили самостоятельную этническую группу (народ), которая стала называться ингерманландцы или ингерманландские финны. По данным М. Энгмана (M. Engman) [12] на рубеже XVII и XVIII вв. (1695 г.), когда Петр I пробил окно в Европу, население Ингерманландии равнялось 40 000–45 000 человек, и из них 70–75% составляли финны-лютеране. Если взять за основу наименьшую численность в 40 000 человек, то $40\ 000 \times 0,738 = 29\ 520$ человек.

С нашей точки зрения, численность финнов завышена, так как по данным переписи податного населения 1732 г. в Ингерманландии проживало 58 979 крестьян, из них 22 986 лютеран, т. е. финнов, 14 511 ижор, 5883 «старожилов русских», 10 457 «переведенцев из российских городов во владения дворцового ведомства» [10]. Если взять за основу данные М. Энгмана, то за 35 лет общая численность населения Ингерманландии выросла почти в полтора раза, а численность финнов

¹ См.: Лабудин А.В., Кирьянен А.И., Самодуров А.А. Андропов и Карелия // Управленческое консультирование. 2017. № 4. С. 162–175.

во столько же раз уменьшилась. Хотя в петровское время и после него финнам предоставлялась благоприятная возможность для своего развития. Через 200 лет после вхождения Ингерманландии в состав Российской империи, согласно данным первой всероссийской переписи населения 1897 г., численность ингерманландских финнов достигла 130 413 человек¹.

Что же касается ижоры, коренного автохтонного финноязычного населения Петербургской губернии, то ее численность проявляла тенденцию к сокращению. По данным П. И. Кеппена, в середине XIX в. на территории Петербургской губернии проживало 17 800 ижор [5, с. 420, 422], а перепись 1897 г. определила численность ижоры в 13 721 человек².

За 200 лет в составе Российской империи с главенствующей православной религией численность православной ижоры уменьшается, а численность ингерманландских финнов, в основном лютеран по вере, возрастает в 5–6 раз. Это парадокс. С нашей точки зрения, причина этого явления в стремлении народа к знанию. В финских лютеранских церквях служба велась на финском языке, понятном всем местным жителям, включая ижору, которая и по-русски то, говорила с трудом, а не то, что понимала церковно-славянский язык.

В лютеранских церквях молодые люди с 16–18 лет должны были пройти конфирмацию. Без конфирмации нельзя было венчаться в церкви. На конфирмации не просто изучали Закон Божий, а молодых людей учили грамоте: читать, писать, считать. По окончании курса надо было сдать экзамен по всем предметам, причем все на финском языке. Это было настоящее начальное образование, причем на родном языке. Это стремление дать образование своим детям на родном языке привело ижору в лютеранскую церковь. Еще сейчас можно встретить финна с чисто русской фамилией. Причем эта фамилия тянется за этим родом на сотню и более лет назад. Бесспорно, это потомок ижорянина, перешедшего когда-то в лютеранскую веру и ставшего финном.

14 октября 1920 г. был подписан Тартуский мирный договор между Финляндией и РСФСР. Неотъемлемой частью мирного договора стали 4 Заявления, внесенные в протокол при подписании советско-финляндского мирного договора.

1. О самоуправлении Восточной Карелии. (Гарантируются национальное самоопределение, автономия в составе РСФСР (национальная государственность), национальный язык, местные экономические интересы.)
2. Об ингерманландцах. (Гарантируется их право на национально-культурную автономию и общинное самоуправление.)
3. О беженцах. (Амнистия финнам и карелам, участвовавшим в гражданской войне, их право возвращения на родину и неприкосновенность.)
4. О Ребольской и Порос-озерской волостях. (Советское правительство не будет содержать в этом районе войск в течение двух лет, за исключением обычной пограничной и таможенной стражи.)

В первых двух заявлениях были прописаны права финнов и карел на использование родного языка, на изучение его в школах, на создание национальных органов власти. С этого документа, фактически, началось строительство современной республики Карелия.

В 1927 г. была образована Ленинградская область, в которую вошел Куйвозовский финский национальный район, состоявший из 24 сельских советов, из которых 22 были финские, один — русский и один сельский совет, Вартемягский, не имел национального статуса. Сельский совет получал национальный статус, если численность жителей данной национальности превышала 60%. Всего в Ленинградской

¹ Памятная книжка С.-Петербургской губернии, СПб., 1905. С. 51.

² Там же; [10, с. 26].

области было создано 64 национальных сельских совета. Среди них в преобладающем количестве были финские, а также ижорские и эстонские сельские советы.

В 1934 г. предполагалось принять решение о создании второго финского национального района с центром в поселке Тайцы или Дудергоф, который сейчас называется поселок Можайский и входит в состав Санкт-Петербурга. Этим планам не суждено было исполниться. 1 декабря 1934 г. был убит С. М. Киров и постепенно вся «национальная» работа стала сворачиваться. Все закончилось в январе 1937 г., когда ни в одной школе и ни в одном учебном заведении не осталось финского языка.

1 февраля 1931 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам автономных республик права выселять кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства»¹. 15 марта 1931 г. появился меморандум НКВД за подписью Г. Г. Ягоды, в котором было записано: «В целях полной очистки от кулаков, с мая по сентябрь 1931 года намечено провести массовую операцию по кулачеству с высылкой в отдаленные местности Союза со всех областей» [10, с. 228]. Из Ленинградской области в 1930–1931 гг. были депортированы в общей сложности 8604 «кулацкие» семьи, из них 5344 — на Кольский полуостров, 337 — на Урал, 1269 — в Западную Сибирь, 929 — в Восточную Сибирь и 725 — в Якутию². Из них финских семей было около 4320 или примерно 18 000 человек [16, с. 77]. Как указывает В. И. Мусаев, «если эти данные верны, из этого следует, что ингерманландцы составили около половины всех высланных» [10, с. 228].

4 октября 1929 г. СНК РСФСР принял постановление «О переселении социально-опасных элементов населения из пограничных районов Ленинградской и Западной областей». Особое внимание следовало уделить Северной Ингерманландии, пограничной с Финляндией. Выселения имели место также на побережье Финского залива. В результате были ликвидированы восемь финских, семь ижорских и три эстонских сельсовета. К октябрю 1932 г. из пограничных полос Северо-Запада было выселено около 20 000 человек [3, с. 76]. Перестал существовать древний путь «из варяг в греки» — жителей всех прибрежных деревень выслали в Среднюю Азию, в созданный там «финский» колхоз «Пахта-Арал».

25 марта 1935 г. в ленинградском управлении НКВД было получено совершенно секретное указание от наркома внутренних дел СССР Г. Г. Ягоды о проведении операции «по очистке пограничной зоны Ленинградской области и Карелии от кулаков и антисоветских элементов в порядке репрессии» (Записка по проводу. УНКВД. Заковскому. Совершенно секретно)³. Согласно этому указанию приграничную полосу подлежало очистить в два этапа. «Первая очередь — 22 км в погранполосе, вторая очередь — 100 км в погранполосе и 50 км в погранполосе Карелии. Операцию первой очереди начать 1 апреля и закончить 25 апреля. Намеченное Вами число выселяемых первой очереди погранполосы 3547 семей утверждается, выселение провести одновременно по целому району. Отpravку выселяемых производить эшелонами. Самостоятельный выезд выселяемых категорически запрещается. Всех глав и заменяющих их трудоспособных членов семей выселяемых — арестовать за 5–7 дней до начала операции. Ягода № 55709».

Секретное указание тут же было принято как руководство к действию. 28 марта 1935 г. появился приказ № 0100 за подписью начальника управления НКВД по Ленинградской области Л. М. Заковского «Об очистке 22 км пограничной полосы от кулацкого и антисоветского элемента», а 31 марта 1935 г. Бюро Ленинградско-

¹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 9. Д. 111. Л. 83; Известия. 1931. 2 февраля.

² РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 59; Мусаев В. И. Указ. соч. С. 228.

³ ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 28. Л. 3–5. Подлинник.

го обкома партии приняло на своем заседании постановление «Об очистке погранполосы Ленинградской области и КАССР от кулацкого и антисоветского элемента» [10, с. 258]. По предварительным расчетам, из пограничной полосы в течение апреля предполагалось вывезти 11 795 человек [4, с. 121].

Из предварительной переписки и текстов секретного указания Ягоды и постановления бюро обкома не явствует, что депортация должна была проводиться по национальному признаку, но на практике все получилось именно таким образом. В «антисоветские элементы» фактически оказалось зачисленным все этнически финское и эстонское население приграничных районов. Первый этап операции был завершен в установленный срок к 25 апреля. Разнарядка, указанная в письме Ягоды, была перекрыта примерно в полтора раза — из пограничной полосы были выселены 5100 семей, общая численность выселенных составила 22 511 человек. При этом среди депортированных органы НКВД выявили лишь 101 семью «бывших», остальные были местные крестьяне [4, с. 122; 10, с. 259].

Депортация продолжалась до осени 1936 г., к тому времени десятки деревень в приграничных местностях Карельского перешейка в Белоостровском, Лемболовском, Никуляском и Vuольском сельсоветах были полностью очищены от финского населения, которое было вывезено в Вологодскую и Новгородскую области, а также в Республику Коми. Общее число ингерманландцев, депортированных в 1935–1936 гг., оценивается исследователями в 26–27 тыс. человек: 7000 были высланы в апреле 1935 г. и около 20 000 — в последующий период [14]. В результате этой операции был ликвидирован Куйвозовский финский национальный район, который простирался от Ладожского озера до Сестрорецка (это практически современный Всеволожский район Ленинградской области). Несколько месяцев в 1936 г. район назывался Токсовским, а затем вошел в состав созданного Пригородного района Ленинграда.

Как отмечает В.И. Мусаев [10, с. 261], «операция на Северо-Западе впервые проводилась не по социальному, как в период коллективизации, а именно по национальному признаку. На ингерманландцах впервые была опробована практика этнической чистки. Депортация 1935–1936 гг. на Северо-Западе открыла череду «национальных» репрессий, последовавших в конце 1930–1940-х годов».

Вторым этапом указания Ягоды предполагалось очистить 100 км полосу. Эта территория на юге доходила бы до рек Тосно, Оредеж, верхнего течения Луги, то есть вся территория Ингерманландии должна была быть очищена от финского, ижорского, водского, эстонского и иного «латышского» населения. Так в послереволюционные годы называли жителей северо-запада Российской Федерации, писавших не на кириллице, а на латинице.

Этому этапу очистки территории не суждено было осуществиться — началась война с Финляндией, а затем Великая Отечественная. 24 августа 1941 г. появляется секретное письмо И.В. Сталину следующего содержания: «Нами принято решение о принудительной эвакуации из Ленинградской области 88 700 финнов и 6700 немцев в Сибирь и Казахстан». Документ подписали: В.М. Молотов, заместитель Председателя Совнаркома и нарком иностранных дел СССР; Г.М. Маленков, секретарь ЦК ВКП (б), А.А.Жданов, секретарь ЦК ВКП(б) и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии и А.Н. Косыгин, заместитель Председателя Совнаркома СССР. Через день 26 августа 1941 г. Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление за № 196сс, которое полностью дублировало вышеописанное секретное письмо¹. «Эвакуацию» предписывалось произвести в срок с 27 августа по 7 сентября 1941 г. В случае сопротивления «эвакуации» или отказа от выезда предписывалось выявлять и арестовывать зачинщиков. Но 8 сентября 1941 г. замкнулось блокадное кольцо и часть ингерманландских финнов

¹ ЦГА СПб. Ф. 7179, Оп. 51. Д. 58. Л. 36–39.

около 30 000 оказалась внутри блокадного кольца, а большая часть — на оккупированной немецкими войсками территории.

В январе — феврале 1942 г. в блокадном Ленинграде прошли аресты среди финнов, работавших в Горном и Технологическом институтах, Ленинградском университете. В недрах НКВД была создана, точнее, выбита на допросах, версия о том, что ингерманландские финны готовятся открыть финляндским войскам «ворота» в Ленинград. Основываясь на этом, 20 марта 1942 г. выходит повторное постановление Военного Совета Ленинградского фронта за № 00714/а о высылке оставшихся внутри блокадного кольца всех финнов и немцев¹.

Исполком Леноблсовета и областное управление НКВД должны были начать проведение операции 26–27 марта. Фактически выселение началось раньше, еще даже до выхода постановления Военного Совета Ленфронта: уже 17–18 марта с Финляндского вокзала в сторону станции Борисова Грива были вывезены 10 474 финна и немцев, проживавших в Ленинграде [3, с. 260; 10, с. 288]. С территории области, из Парголово, Всеволожского, Слущкого (Павловского), Ораниенбаумского районов и из городов Колпино и Сестрорецк, по расчетам исполкома Ленсовета, эвакуации подлежали 27 942 человека, из которых до 27 марта надо было вывезти 20 568 человек, остальные 7374 человека эвакуировались позднее². (Сохранен стиль и грамматические обороты как в оригинальных документах.)

Всего в марте-апреле 1942 г. «по специальному плану» из Ленинграда и Ленинградской области были эвакуированы 38 112 человек, среди которых этнические финны составляли большинство, но были и немцы, а также лица, высылаемые в административном порядке как «политически сомнительные граждане»³. К «политически сомнительным» относились прибалты, поляки, венгры, румыны, то есть граждане той национальности, проживавшие в Ленинграде, у которых соответствующие страны находились в одном блоке с фашистской Германией или симпатизировали ей. С учетом различных высылок 1941 г., по сохранившейся справке начальника УНКВД по Ленобласти от 1 октября 1942 г. из Ленинграда и пригородных районов было выселено в общей сложности 58 210 финнов и немцев⁴.

По последнему мартовскому льду Дороги жизни спецэвакуированных переправляли на противоположный берег Ладоги. «23 марта 1942 г. мы были отправлены эшелонам из поселка Токсово Ленинградской области, затем через Ладогу (по «Дороге жизни») под усиленной бомбежкой, в ходе которой многие из переселенцев утонули... Затем снова в «телячьих вагонах», без каких бы то ни было удобств, с плохим питанием, под усиленной охраной проследовали по железной дороге до станции с красивым названием Зима, далее пароходом по Ангаре, после на машинах до Усть-Кута и далее на баржах до устья Лены, где проживали в поселке Быков Мыс Будунского района... Какими были жилищные условия? Люди пристроились в бондарной мастерской, в трюмах разбитой баржи, в юртах из дерна...» (Р. И. Хаякка и Ф. М. Ахава) [1, с. 97]. На станции Кобона по данным НКВД в железнодорожные составы, предназначенные для перевозки скота, было посажено 27 000 взрослого финского населения без учета детей до 18 лет. Главой семьи, в основном, считалась мать, иногда бабушка (отец и старшие сыновья воевали на фронте). В среднем в финской семье было 3–6 детей. Таким образом, чтобы охарактеризовать общую численность ингерманландских финнов, высланных в марте 1942 г., надо цифру 27 000 умножить как минимум на два и мы получим 54 000. Это очень

¹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 19. Д. 25. Л. 25–26.

² ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 58. Л. 14.

³ ГАРФ СПб, Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 107. Л. 35.

⁴ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995. С. 442.

приблизительная цифра, так как списки людей, посаженных в вагоны, написаны карандашом на листках бумаги непосредственно в момент посадки. Сколько было сделано ошибок в написании имен и фамилий, сколько людей не было, вообще, учтено — неизвестно. Как неизвестно, сколько было посажено детей [7].

В местах поселения эвакуированные финны оказались на положении спецпоселенцев, хотя какого-либо формального постановления о зачислении их на спецпоселение в течение достаточно долгого времени не было. 29 декабря 1944 г. НКВД был издан приказ № 274, согласно которому эвакуированные финны подлежали постановке на учет по линии спецотдела комиссариата [1, с. 97; 10, с. 292]. Вероятно, издание этого приказа было связано с тем обстоятельством, что после распоряжения СНК СССР от 11 августа 1944 г. о реэвакуации в Ленинградскую область населения по прежнему месту жительства, многие находившиеся в эвакуации финны начали подавать заявления о разрешении вернуться в родные места. Председатель исполкома Ленинградского областного Совета Н. В. Соловьев 21 ноября 1944 г. писал В. М. Молотову: «Учитывая, что возвращение населения финского и немецкого происхождения в пригородные районы Ленинградской области нецелесообразно, ... исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся просит Вас разрешить не проводить реэвакуацию к местам прежнего жительства населения финского и немецкого происхождения, ... оставив это население в тыловых областях Союза на постоянное место жительства»¹. Сняты с учета спецпоселений эвакуированные финны были уже после войны, по приказу НКВД от 28 января 1946 г., после чего они задним числом были взяты на учет как *высланные в административном порядке* [2, с. 159].

Когда в 1946 г. стали подводить итоги поставленных на учет финнов, их оказалось только 9 000 из 27 000, посаженных на спецпоезда в марте 1942 г. только третья часть. За 4 года тяжелейшего труда многие умерли, многие ничего не знали о возможности сняться с учета спецпоселенцев, но большая часть умерла в дороге в 1942 г. Поезда до Красноярска шли от одного до полутора месяцев. По рассказам выживших детей, сейчас глубоких пенсионеров, очевидцев этих событий, поезда ночью останавливались в лесу и трупы просто выкидывали из теплушек. Среди ингерманландских финнов эта дорога стала называться Дорогой смерти. Еще ни один историк не описал трагедию этой дороги. Возможно, документы до сих пор находятся под запретом или их просто нет. Учета никакого в дороге не было.

Отметим еще такой факт. Согласно приказу НКВД от 28 января 1946 г., финны *задним числом были взяты на учет как высланные в административном порядке*. Но тогда из этого приказа следует, что в 1942 г. не было никаких репрессий, не было спецпоселений и спецучета, а была просто административная высылка (переселение) в силу объективных обстоятельств. В результате до сих пор многие, бывшие в 1940-х годах детьми, не могут получить документы о реабилитации. Им надо доказать, что в отношении их родителей была применена карательная мера, добиться посмертной реабилитации своих родителей и после этого доказать, что они подпадают под «Закон о жертвах политических репрессий» с последующей своей реабилитацией. Не каждый смог осилить эту дорогу. Это все следствие *тонкого* хода НКВД в 1946 г.

Например, 29 июня 1993 г. выходит постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских финнов». Через месяц 26 июля 1993 г. на депутатский запрос А. И. Кирьянена по делу гражданки Б. П. Суховенко (Ряйсянен) главный специалист комиссии при мэрии Санкт-Петербурга по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий Н. Р. Малиновская отвечает: «Разъ-

¹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 105. Л. 8.

ясняем, что на граждан, принудительно эвакуированных в военный период 1942 г. по постановлению Военного Совета Ленинградского фронта, не распространяется действие Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» [8]. Для разрешения этой проблемы гражданке Б. П. Суховенко (Ряйсянен) пришлось получить из Сибири по месту ссылки родителей документы о постановке их на спецучет и через суд доказать, что родители были высланы по линии НКВД. Затем через второе судебное заседание доказать, что 4-летний ребенок не мог самостоятельно оказаться в Сибири, а был выслан вместе с родителями. На третьем судебном заседании было принято решение о том, что Б. П. Ряйсянен действительно подпадает под действие Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Так же драматично сложилась судьба ингерманландцев, оказавшихся в зоне немецкой оккупации. К зиме 1941–1942 гг. в районах Ленинградской области, занятых немецкими войсками, находилось 76 342 финноязычных жителя, из них 66 946 финнов, 8729 ижор и 667 вожан [17, с. 268; 10, с. 294]. В конце 1942 г. командование 8-й немецкой оккупационной армии приняло решение о создании на южном берегу Финского залива укрепленного района и высылке всего населения из этого района. В первые месяцы 1943 г. в Гатчине, Тосненском и Волосовском районах были созданы специальные пересыльные лагеря с содержанием людей за колючей проволокой, куда сгонялись все окрестные жители. Затем всех жителей из этих лагерей переправляли в Международный концентрационный лагерь Клоога в Эстонии. Концлагерь Клоога имел одну особенность — в нем не было крематория. Трупы расстрелянных и умерших складывались колодцем за пределами лагеря и поджигались. Это все происходило на глазах детей, от которых стали известны все подробности. Дети они были 70–75 лет назад и только спустя многие десятилетия некоторые решились рассказать правду о событиях зимы 1943 г.

В концлагере Клоога молодые парни и девушки были отделены от своих семей и отправлены на работы в Германию, реже в Прибалтику. Какая судьба ожидала матерей с малолетними детьми и стариков — неизвестно. Истории в сослагательном наклонении не бывает. Но здесь судьба ингерманландских финнов совершила новый поворот. Во время войны в Финляндии оказалось несколько тысяч ингерманландских финнов. Это были ингерманландские финны, перебравшиеся в Финляндию до первой мировой войны и во время нее, бежавшие из России во время революции и Гражданской войны, а также в 20-е годы. Они там обратились в Красный крест, к Правительству Финляндии сделать все возможное для вызволения своих соплеменников и даже родственников из фашистского концлагеря [15, с. 42].

В результате переговоров между правительствами Финляндии и Германии на финских теплоходах было перевезено в Финляндию 63 205 человек [18, с. 209]. Они все прошли полагающийся карантинный лагерь и затем были распределены по различным хозяйствам в качестве наемной силы. Так правительство Финляндии спасло ингерманландских финнов, и не только их, от уничтожения в фашистском концлагере Клоога.

19 сентября 1944 г. между СССР и Финляндией был подписан договор о перемирии. Статья 10 перемирия предусматривала обязательство со стороны Финляндии «немедленно передать всех находящихся в ее власти советских и союзных военнопленных, а также интернированных и насильственно увезенных в Финляндию советских и союзных граждан Союзному (Советскому) Главнокомандованию для их возвращения на Родину»¹. В Финляндию прибыла Союзная контрольная комиссия под председательством А. А. Жданова. Один из пунктов деятельности комиссии гласил: «выявить имеющиеся лагеря для советских и союзных военнопленных и интернированных, а также места нахождения для насильственно перевезенных в Фин-

¹ Правда. 1944. 21 сентября.

ляндию советских и союзных граждан и всех беженцев. Установить национальность и государственную принадлежность указанных лиц, а также установить порядок и сроки их репатриации»¹.

Для решения общих вопросов репатриации советских граждан постановлением СНК СССР № 392/с от 4 октября 1944 г. была введена должность уполномоченного СНК по делам репатриации; этот пост занял генерал-полковник Ф. И. Голиков. 23 октября при нем было образовано управление². 19 ноября 1944 г. Государственный комитет обороны СССР принял секретное постановление за № 6973-с. Согласно постановлению необходимо было разместить на территории РСФСР 12 000 семей (около 50 тыс. чел.) возвращающегося из Финляндии населения ингерманландского происхождения, в том числе в Ярославской области 5000 семей, в Калининской — 3000, в Новгородской — 2000, в Псковской — 1000 и в Великолукской — 1000³. С 4 декабря 1944 г. до середины января 1945 г., как явствует из доклада Ф. И. Голикова В. М. Молотову и А. Н. Косыгину от 20 января 1945, из Финляндии в СССР проследовал 81 эшелон с репатриантами, которые перевезли 56 030 человек⁴. Кампания по репатриации продолжалась и в дальнейшем. Всего согласно материалам Управления по делам репатриантов из Финляндии в СССР было перевезено 58 412 советских граждан⁵, из них на 25 мая 1945 г. в перечисленных областях было размещено 55 942 человека (17 224 семьи) ингерманландцев⁶. Советские спецслужбы продолжали розыск в Финляндии даже в 1950-е годы. Последний бывший военнослужащий финской армии из числа советских граждан был выдан советской стороне в январе 1955 г. [17, с. 286; 10, с. 320].

Всех прибывших из Финляндии поставили на административный учет с обязательной периодической регистрацией в органах МВД, без права проживания в Ленинграде и Ленинградской области, а также в городах первой категории. Через год закончилась Великая Отечественная война, а затем и война с Японией. 23 сентября 1945 г. выходит Постановление Верховного Совета СССР «О снятии всех ограничений военного времени». Но за два дня до этого постановления 21 сентября 1945 г. выходит секретное Постановление Верховного Совета СССР, в котором сказано, что отмена ограничений военного времени не распространяется на хулиганские и антисоветские элементы, арестованные или высланные в административном порядке. В этом Постановлении был даже пункт «Побег с места жительства карается каторжными работами на срок до 20 лет».

Право жить в своих домах в Ленинградской области получали только те, кто имел правительственные награды, в том числе «Медаль за оборону Ленинграда» или иные заслуги перед отечеством. Для выезда в Ленинградскую область надо было подать заявление в милицию по месту нынешнего проживания. Там составляли характеристику на всех членов семьи, особенно выделялся пункт, что во время пребывания в Финляндии никаких противоправных и порочащих Советское государство действий не совершалось. Эту характеристику на руки заявителю не выдавали, а направляли в орган МВД, куда семья собиралась возвращаться. И после того как орган МВД по месту административной ссылки получал добро от соответствующего органа Ленинградской области, семье разрешали выехать по месту прежнего жительства в Ленинградской области.

Не получая от властей разрешения на возвращение, многие семьи потихоньку стали перебираться в свои дома в Ленинградскую область. Дома стояли пустые.

¹ РГА СПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 37. Л. 12.

² ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1119. Л. 40, 118.

³ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5.

⁴ Там же. Л. 100; ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 69, 72.

⁵ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 69, 72.

⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 92.

В декабре 1945 г. председатель исполкома Ленинградского областного Совета Н. В. Соловьев сообщал председателю СНК РСФСР А. Н. Косыгину: «Финны незаконно приезжают в свои дома и засоряют Ленинградскую область неблагонадежными элементами. Просим принять соответствующие меры. ... Согласно указанию Совнаркома, семьи военнослужащих мы прописываем. В отношении остальных, приехавших самовольно, принимаем меры к возвращению их обратно»¹. Прибывшим в Ленинградскую область финнам стали давать 24 часа на возвращение к месту административной ссылки.

В соседней Эстонии порядки были более либеральными и финны вместо областей Центральной России рванули в Эстонию. Многие там осели, вышли замуж или женились, нашли работу и окрепли на новом месте. Однако в декабре 1947 г. заместитель председателя Совета Министров РСФСР А. В. Гриценко обратился к министру внутренних дел СССР С. Круглову с просьбой отдать распоряжение органам милиции Эстонской и Латвийской ССР о выселении ингерманландцев также из прибалтийских республик². Введенная в Советском Союзе паспортная система позволила свободно ездить по стране и искать место работы. Финнам же в паспорта ставился штамп «38 статья». Это означало запрет на проживание в городах первой категории, а чаще всего — 101 км, ближе к городу нельзя было жить и соответственно учиться в высших учебных заведениях. В народе такой паспорт прозвали «волчий билет».

Как следует из предыдущей статьи «Андропов и Карелия», в 1949 г. в Карело-Финской ССР был объявлен набор на лесозаготовки. При этом ставка была сделана на ингерманландских финнов. И они потянулись из разных уголков Советского Союза в Карелию³. Вот почему к середине 1950-х годов большая часть ингерманландских финнов оказалась в Карелии. Только в 1954 г. финнам было разрешено возвращаться в Ленинградскую область в свои дома [9]. Но в этих домах уже 10 лет жили другие семьи. Начались суды и новые проблемы.

Литература

1. Бугай Н. Ф. Север в политике переселения народов // Север, 1991. № 4. С. 92–98.
2. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР (1930–1960): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
3. Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х годов (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997.
4. Иванов В. А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль–март 1935 г.) как «зачистка» прошлой России // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М.: Кучково поле, 2008.
5. Кеппен П. И. Селения, обитаемые ижорами, в С-Петербургской губернии // Ученые записки императорской академии наук по I и III отделениям. Т. II. Вып. 3. С. 420, 422.
6. Кирьянен А. И. Коренные малочисленные народы северо-запада России и их развитие в современном правовом поле // Сб. выступлений Межрегиональной научно-практической конференции «Финно-угорские народы Северо-Запада России: традиции и современность»: Санкт-Петербург, 17 ноября 2016 г. / Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской обл. СПб., 2016. С. 21–24.
7. Кирьянен А. И. Ингерманландские финны: история и современность // Реальность этноса. Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование. Межд. научно-практическая конференция: Санкт-Петербург, РГПУ, 16–19. 04. 2001. СПб., 2001. С. 312–316.
8. Кирьянен А. И. Перспективы сохранения финнов-инкери как этнической общности // Финно-угорские народы и Россия. Сб. материалов международных конференций 1992–1993. Таллинн, 1994. С. 51–54.

¹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 45. Д. 1. Л. 48.

² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 26. Л. 97.

³ О действиях руководства Карело-Финской ССР по привлечению в Карелию финнов-ингерманландцев см.: Гордиенко А. А. Куприянов и его время, Петрозаводск: Карелия, 2010. С. 291, 304, 324–325, 330–331, 332 и др.

9. Муллонен И. А. Адаптация ингерманландских финнов к новым условиям в Карелии во второй половине XX века // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. статей, посвященных 20-летию Ингерманландского союза финнов в Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/finny_2010.pdf (дата обращения: 06.12.2016).
10. Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. Второе издание, исправленное и дополненное. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003.
11. Троицкий С. М. О некоторых источниках истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII века // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 118–119.
12. Engman M. St. Petersburg och Finland. Migration och influens. 1703–1917. Helsingfors, 1983.
13. Gelb M. The Western Finns Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. Vol. 24. N 2. 1996.
14. Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana // Studia Historica. Jyväskylä. V. 1967. (Переселение ингерманландских финнов в Финляндию во время Второй мировой войны.)
15. Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. 2005. (Ингерманландские финны в Финляндии в 1940-х годах.)
16. Nevalainen P. Inkeriläiset ja Pietari // Suomi ja Pietari. Porvoo, 1995. (Ингерманландские финны и Петербург.)
17. Nevalainen P. Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla.
18. Tuuli E. Inkeriläisten vaellus: Inkeriläisten väestön siirto, 1941–1945. Porvoo; Helsinki, 1988. (Странствие ингерманландских финнов: перемещение населения Ингерманландии).

References

1. Bugay N. F. *North in policy of resettlement of the people* [Sever v politike pereseleniya narodov] // North [Sever], 1991. N 4. P. 92–98. (rus)
2. Zemskov V. N. *Special settlers in the USSR (1930–1960)* [Spetsposelentsy v SSSR (1930–1960)]: Dissertation. Moscow, 2005. 415 p. (rus)
3. Ivanov V. A. *Award mission. The mechanism of mass repressions in the Soviet Russia in the late 20th – 40th years (on materials of the North-West of RSFSR)* [Missiya ordena. Mekhanizm massovykh repressii v Sovetskoi Rossii v kontse 20-kh — 40-kh godov (na materialakh Severo-Zapada RSFSR)]. SPb., 1997. (rus)
4. Ivanov V. A. *The operation “Former People” in Leningrad (February–March, 1935) as “cleaning” of last Russia* [Operatsiya «Byvshie lyudi» v Leningrade (fevral’-mart 1935 g.) kak «zachistka» proshloi Rossii] // Historical readings on Lubyanka: 1997–2008 [Istoricheskie chteniya na Lubyanke: 1997–2008]. M. : Kuchkovo Pole, 2008. (rus)
5. Kyöppen P. I. *The settlements lived by izhor in the St. Petersburg province* [Seleniya, obitaemye izhorami, v S-Peterburgskoi gubernii] // Scientific notes of Imperial Academy of Sciences on I and III offices [Uchenye zapiski imperatorskoi akademii nauk po I i III otdeleniyam]. V. II. Issue 3. P. 420, 422. (rus)
6. Kiryanen A. I. *Indigenous ethnic groups of the north-west of Russia and their development in the modern legal framework* [Korennye malochislennye narody severo-zapada Rossii i ikh razvitie v sovremennom pravovom pole] // Collection of reports of the Interregional scientific and practical conference “The Finno-Ugric people of the North-West of Russia: traditions and present” [Sb. vystuplenii Mezhhregional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Finno-ugorskie narody Severo-Zapada Rossii: traditsii i sovremennost’»]: St. Petersburg, on November 17, 2016. Committee on local government, international and interfaith relations of the Leningrad Region [Komitet po mestnomu samoupravleniyu, mezhnatsional’nym i mezhhkossional’nym otnosheniyam Leningradskoi obl.]. SPb., 2016. P. 21–24. (rus)
7. Kiryanen A. I. *Ingrian Finns: history and present* [Ingermanlandskie finny: istoriya i sovremennost’] // Reality of ethnos. National schools in ethnology, ethnography and cultural anthropology: science and education [Real’nost’ etnosa. Natsional’nye shkoly v etnologii, etnografii i kul’turnoi antropologii: nauka i obrazovanie]. International scientific and practical conference, St. Petersburg, RSPU, 16–19. 04. 2001. SPb, 2001. P. 312–316. (rus)
8. Kiryanen A. I. *Prospects of preservation of Finns-inkeri as ethnic community* [Perspektivy sokhraneniya finnov-inkeri kak etnicheskoi obshchnosti] // Finno-Ugric people and Russia.

- Collection of materials of the international conferences 1992–1993 [Finno-ugorskie narody i Rossiya. Sb. materialov mezhdunarodnykh konferentsii 1992–1993]. Tallinn, 1994. P. 51–54. (rus)
9. Mullonen I. A. *Adaptation of Ingrian Finnish to new conditions in Karelia in the second half of the XX century* [Adaptatsiya ingermanlandskikh finnov k novym usloviyam v Karelii vo vtoroi polovine XX veka] // Russian Finns: yesterday, today, tomorrow [Rossiiskie finny: vchera, segodnya, zavtra]. The collection of articles devoted to the 20 anniversary of the Union of Ingrian Finns in Karelia / Scientific editor E. I. Klementyev. Petrozavodsk: Karelian scientific center of RAS, 2010. 209 p. URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/finny_2010.pdf (Date of the address: 12/6/2016). (rus)
 10. Musayev V. I. *Political history of Ingria at the end of the XIX–XX a century* [Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX–XX veke]. The second edition. SPb. : Publishing house of the St. Petersburg Institute of history of RAS “Nestor-History” [Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN «Nestor-Istoriya»], 2003. 452 p. (rus)
 11. Troitskiy S. M. *O some sources of history of land tenure in Ingria in the first half of the 18th century* [O nekotorykh istochnikakh istorii zemlevladieniya v Ingermanlandii v pervoi polovine XVIII veka] // Source study problems of history of the people of the Baltics [Istochnikovedcheskie problemy istorii narodov Pribaltiki]. Riga, 1970. P. 118–119. (rus)
 12. Engman M. *St. Petersburg och Finland. Migration och influens. 1703–1917*. Helsingfors, 1983.
 13. Gelb M. *The Western Finns Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations* // Nationalities Papers. Vol. 24. N 2. 1996.
 14. Kulha K. *Inkeriläisten siirtäminen Suomeen II maailmansodan aikana* // Studia Historica. Jyväskylä. V. 1967.
 15. Nevalainen P. *Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla*. 2005.
 16. Nevalainen P. *Inkeriläiset ja Pietari* // Suomi ja Pietari. Porvoo, 1995.
 17. Nevalainen P. *Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla*.
 18. Tuuli E. *Inkeriläisten vaellus: Inkeriläisten väestön siirto, 1941–1945*. Porvoo; Helsinki, 1988.